

«ТРУБАДУР» В РУИНАХ

Иштван Сабо в Венской Штаатсопер

Вадим Журавлев

Другие берега

ПО СТАРОЙ части австрийской столицы смиренные лошади в пополах и шорах тянут фиакры с любознательными туристами. Их маршрут начинается у кафедрального собора Святого Стефана и обязательно проходит мимо здания Оперы. Два символа города не перестают будоражить воображение местных жителей и приезжих, которым в Вене рассказывают много легенд о ее достопримечательностях.

Одна из них похожа на правду. Архитекторы, проектировавшие здание Оперы, — ван дер Нюль и Зиккардсбург — так и не увидели счастливых зрителей. Первый повесился после язвительного замечания Франца Йосифа, а второй умер, не пережив гибели друга. Зданию Оперы, которому в этом году исполняется 125 лет, действительно не хватает композиционной гармонии, его декор выглядит однообразным. Но за фасадом здания — роскошной двухъярусной лоджией — можно угадать необычную стильность и даже загадочность. Тем более что и новый сезон в театре таит много необычного и интересного.

Четыре премьеры этого сезона должны пополнить довольно консервативный репертуар Штаатсопер открытиями из области театрального авангарда. И первой постановкой премьерного фиакра стала опера Верди «Трубадур» в постановке хорошо известного в России венгерского кинорежиссера Иштвана Сабо.

Венские меломаны были заинтригованы новой премьерой давно, когда еще только стало известно о том, что действие оперы Сабо переносит в разбомбленное авиационным налетом 12 марта 1945 года здание Оперы. В том же 1945 году в другом разрушенном городе бывшей империи Габсбургов — Будапеште — семилетний Сабо услышал впервые по радио арии из «Трубадура» и пленился ими.

Сценография оперы, сюжет которой, как правило, остается «за кадром» завораживающих мелодий, созданная Аттілой Ковачем, в точности воспроизводит фотографию руин здания, выставленную на всеобщее обозрение в фойе театра. Обрушившиеся балки, горы разбитого кирпича, уничтоженная сцена становятся декорациями спектакля, разыгранного судьбой. Тогда, как вспоминают люди старшего поколения, в Вене плакали все. Гибель театра казалась венцам их собственной гибелью, даже тем, кто никогда не был в Опере. Пятьдесят мирных лет заслонили от жителей австрийской столицы трагедию военных лет, но Сабо заставляет обитателей этого «европейского парадиза» пережить ее заново.

В разоренном здании Оперы артист Феррандо рассказывает хористам, вернувшимся из плена и лагерей для беженцев, подробности варварской бомбардировки. На фоне опаленных огнем декораций «мирного времени» — залитых солнцем аллей Шенбрунна — примадонна Леонора вспоминает возлюбленного. (Злые языки в театре отмечают, что, судя по костюму, военные годы она провела в нейтральной Швейцарии.) В подземных гримуборных, пользовавшихся в качестве бомбоубежищ, среди картонных рыцарей и поролоновых трубадуров старуха Азучена вызывает к жизни кошмарные видения венских пожаров и авиационных налетов, способные воспылать юношеское сознание тенора — Манрико, вызвать в нем ненависть и ревность. Оперные певцы, участвующие в постановке вердиевского «Трубадура», становятся героями спектакля Сабо. Их сломанные войной судьбы, сложные че-

ловеческие отношения, переилластрированы судьбами вердиевских героев, становятся для Сабо еще одним поводом для выявления «венской» ноты спектакля. «Примадонна», «тенор», «баритон» — вечный вердиевский треугольник, точно в операх Рихарда Штрауса, позволяет режиссеру вести рассказ не о кровавой драме века XV, а о европейцах послевоенной поры. При этом, как и у Верди, Азучена становится главной героиней, кукловодом, дергающим за веревочки марионеток-актеров, коварной интриганкой, не пожалевшей ради мести даже собственного сына.

В первом действии артисты

театральных законов оперы позволяет автору «Мефисто» и «Хансуссена» размышлять о культурных традициях Европы, о вечной связи жизни и театра в Вене, где Опера уже давно стала вторым кафедральным собором.

Нарушителя венских традиций Иштвана Сабо консервативная часть публики «освистала». Впрочем, на премьере досталось всем. Волнение, связанное с участием в столь необычном для Штаатсопер спектакле, сказалось на всех певцах, исполнителях главных партий. К тому же все четверо дебютировали в «Трубадуре». Американка Черил Стюдер, фаворитка всех известных дирижеров,

разбирают завалы, а уже во втором действии на сцене вырастает полувосстановленный кайзеровский театр, в ложах которого статисты будут внимательно следить за действием уже «настоящего» оперного спектакля «Трубадур». Режиссер, иронически подсмеиваясь над консервативными вкусами венской публики, сталкивает реальную жизнь и театральные условности оперного жанра: хоdulный текст, роскошные костюмы, «неподвижность» певцов. Но Сабо преклоняется перед венцами, которые не представляют себе жизни без Оперы. Вена и Опера — неразделимы, словно говорит он. И ему нельзя не верить: ведь в каком еще городе витрины «протомоварных» магазинов украшают портреты любимых певцов и дирижеров.

Но даже самые заядлые меломаны вздрогнули, когда в третьем действии на сцене выросла башня ПВО, оставшаяся со времен войны в парке Эстергази. В долгие ночные дежурства чья-то рука выбила на ее вершине слова «В тишине ночи», которые прямо переключаются с арией Леоноры. Театральные страдания красотки в красном платье на фоне серого бетона башни, приютившей ныне виварий, выглядят очень жестоко по отношению к самим венцам, столь ненавидящим этого немоего свидетеля трагедии. Сабо вновь и вновь на протяжении всего спектакля заставляет венцев, живущих, чего греха таить, безоблачной жизнью, сопереживать героям, как близким людям. А солдатские могилы, вырастающие у подножия башни, подтверждают старую, но верную истину: в войне победителей не бывает.

Спектакль одного из грандов мирового кинематографа не вносит ясности в запутанное либретто Каммарано, а, скорее, утяжеляет его. Режиссер не занимается проработкой каждого персонажа в отдельности, не стремится создать очерченную космополитическую версию вердиевского шлагера. Но концепция Сабо поражает удивительной «венскостью», соединяющей немецкую жесткость со славянской теллотой. Как и в фильмах Сабо, в спектакле-гештальте мастера уравниваются все компоненты и составляющие, скомпонованные по принципу прегантности. Равновесие документальных декораций и условно

записавшая огромный сопрановый репертуар от «Саломеи» до «Травиаты», выдавала одну за другой фальшивые ноты и явно не справлялась с этой партией, написанной для абсолютной примадонны. Молодой тенор Фредерик Кальт с легкостью взобрался на вершину «до» в финале стретсы. Но уже за закрытым занавесом голос его сорвался, после чего в зале разразился настоящий скандал. Периодически действие приходилось останавливать, ибо публика мерилась в громкости выражения восторгов («браво») и неодобрения («бу»). Агнес Балтса, блестящая руссиневская певица 70-х, тщетно пыталась украсить сцену своим присутствием. Партия Азучены была ей противопоказана в лучшие годы, а уж теперь, когда от ее голоса остались три ноты, и подавно. Даже такой опытный певец и артист, как Сергей Лейферкус (Ди Луна), потерялся в этой обстановке. Публика была жестока, не пощадила даже своего любимца — воспитанника Венской музыкальной академии Зубина Мету. Дирижер, правда, не открыл в вердиевской партитуре ничего нового, хотя музыкальный уровень спектакля был очень высоким.

Высказавшись столь шумным образом против «венской» революции Сабо, публика успокоилась, и на втором спектакле все арии и дуэты завершались дружными «браво». Негритянка Мишель Кридер (Леонора) и англичанин Деннис О'Нилл (Манрико) с легкостью справились со своими партиями. Сергей Лейферкус обрел великолепный актерский почерк. Но настоящим открытием вечера стала Стефания Точиска. Ее Азучена не хватало вокальной уверенности, но зато она была действительно главной героиней оперы Верди и спектакля Сабо.

...Улеглись премьерные волнения, отпустили страсти. Спектакль занял свое место в репертуаре театра, концепция Сабо, должно быть, окажет влияние на достаточно консервативный репертуар Штаатсопер. Следующую постановку премьерного фиакра директор театра Иоан Холендер наметил на декабрь — скандально известный Андрей Шербан ставит «Сказки Гофмана» Оффенбаха. Значит, опять будут руины, скандал, «бу» и «браво». Будет новый спектакль.